

Апресян Р.Г. Новоперемена Ахилла. Истоки морали в архаическом обществе (на материале гомеровского эпоса). М.: Альфа-М, 2013. – 234 с.

В книге анализируются «основные тенденции формирования морали» на материале «Илиады» Гомера. В ней представлено множество исследований на эту или сходную тему, создан большой справочный и пояснительный аппарат. Задача исследования – показать осуществление нравственной перемены (в персонажах, в их отношениях друг с другом), ведущей к формированию золотого правила морали. В центре исследования – фигура Ахилла, рассматриваемого в момент его преображения «от гнева к состраданию» (Ахилла к Приаму, которому победитель возвращает тело побежденного сына), что рассматривается автором как, с одной стороны, «выпадение из рамок и внутренней логики сложившейся ситуации» (с.8), а с другой – как набросок новых поведенческих тенденций (глава 5). К таким тенденциям Р.Г. Апресян относит появление идеи сотрудничества взамен соперничества, феномена взаимности (с видами возмездия и воздаяния) и мотивами движения к золотому правилу морали (поступать в отношении к другому так, как ты желаешь, чтобы другой поступал в отношении тебя – в книге это движение обнаруживается в словах Гектора и Приама, обращенных к Ахиллу и связанных в данном случае с отношением к телу). Последний мотив связан с императивностью архаической морали.

Вывод, следующий из книги, таков: «Моральное мышление формируется в результате осмысления и освоения опыта конкретных коммуникативных ситуаций, в процессе обобщения множества разнородных ситуаций как мышление, первоначально лишь *ситуативно рефлексивное*... логика протоморального мышления *постепенно* складывается на основе отношений участников различных коммуникативных ситуаций как логика intersубъектности, обоюдности, взаимообращенности» (с.209).

Книга состоит из введения, пяти глав («Героический этос», «Распря», «Схватка», «Милосердие», «Тенденции») и библиографического списка. Поскольку, по предположению автора, быть героем значит «осуществить себя в выдающихся деяниях... в подвигах на благо народа и/или отчизны» (с.31), «быть защитником» (с.166), в первой главе естественно исследуются свойства героя: быть благородным, лучшим, обладающим славой, честью и стыдом. Умиравший не в бою, а, скажем, от полученной раны рассматривается как не-герой (с.167). Во второй главе рассматриваются случаи (ситуации), при которых возможны проявления героических свойств: ссора, выкуп и расплата, примирение. В третьей главе – смысловые связи, существующие между персонажами эпоса Ахиллом, Патроком и Гектором, представляют «коммуникативную модель, которая лежит в основе морали» (с.100): мщение, обоюдность, надругательство - осквернение врага, в определенных случаях не одобряемое богами, - не только как свидетельство «надситуативного и надперсонального смысла» (с.128), но и как момент рефлексии относительно налично действующим отношением к телу. Четвертая глава с описаниями осуждения нечестивости, мольбы и появления добросердечности с состраданием свидетельствует о появлении тенденций морального поведения, о чем подробнее речь пойдет в главе 5.

При чтении этой весьма интересной книги возникает множество вопросов и недоумений. Вот некоторые из них. 1. Вряд ли перечень достоинств героя (глава 1) есть предвестие будущего морального правила. Это и есть сами моральные правила. Это другая мораль, нежели предписываемая золотым правилом. Если этого не учитывать, то из представления о «последовательности культурных эпох», о чем предупреждал Ф.Ницше (с.163) и чего пытается избежать автор, выйти нельзя: перед нами не столько переключения эпох, сколько их эволюция одна в другую. 2. Вряд ли, комментируя выбор Ахилла продолжить участие в сражениях, можно утверждать, что существовала некая «ценность жизни» (пугает сам термин «ценность»), тем более путем отклонения идеала боевой славы (с.166). Наличии такой идеи в гомеровском обществе – большой вопрос. Кажется, что альтернатива здесь не в противопоставлении славы мирной жизни, а в противопоставлении этой жизни исполнению судьбы. Эта идея совершенно не обозначена в книге. Между тем, кажется, что героя этой эпохи стоило бы определять не через его подвиги и не как защитника (какой эпохе это не свойственно!), а через следование *судьбе*. 3. Вызывает сомнение и представление феномена взаимности как тенденции

поведенческих перемен, поскольку сам автор книги утверждает, что «взаимность – универсальная характеристика социальных систем, неперенное условие их устойчивости» (с.171). 4. Вряд ли можно говорить о наличии «Я» в архаическом обществе. 5. Хотелось бы понять, что такое нормативное мышление, которого, как «принято считать», «у Гомера нет»? Судя по всему, это то, что мыслится «в императивных категориях» (с.25). Но в таком случае многие эпохи можно «вычеркнуть» из нормативного мышления. С другой стороны: М.К.Петров считал, что именно в это, гомеровское, время формируется универсально-понятийное мышление, которое он (Петров) иллюстрирует на примере пентеконтеры Одиссея.

Книга интересна для историков, философов, культурологов.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: Язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. – 448 с.

Книга представляет серию исследований, начиная с сенсорной физиологии до нейронаук, лингвистики, психологии, искусственного интеллекта, философии – всего, что называется когнитивными науками. Язык рассматривается «как интерфейс между мозгом, сознанием и миром» (с. 10). Один из создателей квантовой механики Э.Шрёдингер в свое время проделал мысленный эксперимент, получивший название «парадокса кота Шрёдингера», задача которого показать, что «неопределенность на атомном уровне способна привести к неопределенности в макроскопическом масштабе (“смесь” живого и мертвого кота). Содержание эксперимента: в закрытый ящик с радиоактивным веществом и с емкостью, где был ядовитый газ, поместили кота. Если ядро распадется (50% вероятности), емкость откроется, и кот погибнет. Если за ядром не наблюдать, его состояние можно описать как смешение двух состояний – распавшегося ядра и нераспавшегося. В последнем случае кот жив. Умер или нет кот, можно понять только, когда откроешь ящик. Вопрос в том, когда система перестает существовать как смешение двух состояний и выбирается одно из них (с. 10). В связи с этим книга делится на три кошачьи позиции («Глядя на кота...», «Что рассказал нам кот...» и «Улыбка кота...»). Первая занята выяснением вопроса о появлении языка: является ли он результатом эволюции сигналов или грамматического взрыва, вторая – вопросом эволюции, языка и мозга, третья (собственно улыбка) рассказывает о зеркалах, часах и знаках в мозгу, помогающая понять, кто именно читает тексты нейронной сети, а это напрямую связано с пониманием и признанием свободы воли. Возможно, пишет автор, что мозг нам морочит голову, но личность, в отличие от зомби и роботов, принимает осознанные решения и принимает за них ответственность. Согласимся с автором: «будущее обещает быть нескучным» (с. 360).

Неретина Светлана, Огурцов Александр. Онтология процесса. Процесс и время. М.: Голос, 2014. – 724 с.

Презентация этой книги, приуроченная к дню рождения Александра Павловича Огурцова, прошла в Институте философии РАН 18 сентября 2014 г. Я изложу здесь некоторые пункты из своего выступления. Философия всегда стремится обнаружить начало. В книге мы хотели показать идею процесса через время, но не как время, а как последовательное образование неких событийных объемов, в которые включено время. Когда мы говорим фразу: «Она проходит мимо меня», то реально здесь грамматическое время относится только к факту прохождения, не затрагивая всего объема фразы. Потому что если бы мы рассматривали весь объем фразы: «мимо», «меня», да еще «она» - на кого устремлен взгляд, то мы бы усомнились в правильности применения настоящего времени. Здесь *все* время есть процесс прохождения, имени, которое всегда в настоящем. Как говорили в начале нашей эры, Св.Дух – то, что *processit*, т.е. происходит, проходит, исходит, где «исходит» не предикат, а сам этот Дух.

Постановка проблемы весьма современна и своевременна. И лично меня она стала интересовать, когда я работала над переводом Уайтхеда, начатым Линой Борисовной Тумановой, а оконченным множеством переводчиков. Этот перевод был ее завещанием мне, когда ее арестовали. Она сделала чуть более половины перевода. И я тогда распределила остаток между друзьями и друзьями друзей, а когда стала сводить переводы, то оказалось, что одни и те же английские термины были переведены по-разному, преобразая саму мысль Уайтхеда, которая в зависимости от переводческой интуиции стала внутри метафизики процесса проявлять свое *иное*. Платоник Уайтхед выявлял стратегии Аристотеля: указания и

называния. Свод перевода я сделала, когда уже работала в Институте философии АН СССР, а затем РАН, и именно по-разному понимаемая идея процесса – как смысловая репрезентация субъекта, как побуждение и пробуждение, утверждение актуальных перспектив или точек зрения, утверждение актуальных перспектив или точек зрения, как серия событий (это присуще именно XX в. – система актуальных событий стала актуальна не только для Уайтхеда, но и для Хайдеггера, для искусства XX в., которое стало тяготеть не к натуралистическому описанию реальных предметов, а к осознанию важности моего взгляда на образ).

Интенсивность переживания событий, движения мысли, способов изменения психических состояний стала одной из важных характеристик и сознания, и бытия. Это интересовало лично меня, когда я вела в организованном Александром Павловичем Центре методологии и этики науки семинар о метафизике, пытаясь выяснить, чем она является сегодня, после Хайдеггеровой критики. Когда я сделала первый доклад о Хайдеггере, то идея процесса осталась незамеченной слушателями. В обсуждении доклада она не прозвучала, а я не стала акцентировать на ней внимание, поскольку для этого надо было читать новый доклад. К тому же с метафизикой процесса связана деятельность журналов «Метафизика процесса» и «Конкретность», издающихся в США и Австралии. Но эти журналы основываются преимущественно на идеях метафизики процесса Уайтхеда. Об актуальности темы говорил и австралийский философ-аналитик Дэвид Армстронг, книгу которого об универсалиях я переводила, и он позвонил мне, чтобы выразить свою благодарность. Но все, о чем я сейчас попыталась рассказать, о шагах, ведущих нас к формулированию темы, сводилась к тому, что идея процесса связана не только с метафизикой, что, разное понимаемая, она принадлежит всем значимым философским направлениям. «Процесс» оказался оселком философских напряжений, которые находят свое выражение и в естествознании – от теории эволюции до современной инфляционной космологии, и в исторической науке, где термину «процесс» отводится едва ли не доминирующее значение, касается ли это анализа социально-политических и экономических изменений до уяснения образов времени как специфических точек зрения на историю. Причем каждая из этих точек зрения на процесс коррелировала с определенными эпохами в перцептивном и концептуальном освоении мира, соответствовала достижениям человеческой мысли на определенном этапе и в свою очередь была компонентом методологического и категориального оснащения мысли. Онтология процесса предполагала осмысление времени как специфической формы своей организации, которое тоже понималось по-разному в античности и средневековье, в немецком идеализме, в новейшей философии, создавшей специфические формы переживания времени – темпоральности, в облике которого репрезентируются и разные описания и интерпретации времени, и объединяются и те образы времени, которые обусловлены непосредственным восприятием проходящих событий, личной связанностью с описываемыми процессами, и разные интеллектуальные интерпретации, которые предполагают выдвижение учений о времени и построение теорий, означая, что человек XX в. начал жизнь в разных темпоральностях. Сдвиг современного мышления от гомогенной и линейной темпоральности к нелинейной и эмерджентной темпоральности и является предметом исследований в этой книге. К этому добавляется проработка терминов. Мы и начинаем с терминов «онтология» и «процесс».

Более того: мы подвергли анализу и новый материал, рассмотрев не только Кантов поворот к «Естественной истории неба» - редко анализируемый даже астрономами трактат, но и трактат «О диалектике» Аврелия Августина. Об этом мне особенно приятно сказать: переводом этого трактата мы занимались на институтских занятиях по латинскому языку. То есть этот перевод делали несколько человек, среди них А.А.Гусева, Т.Б.Любимова, А.А.Парамонов и др.

Книга состоит из двух разделов: I - «Интерпретация процесса до эпохи модерна» и II - «Метафизика процесса в XX в.». Первый раздел состоит из 7 глав, второй из 10. Первая как бы вкладывается во второй и проявляется в нем как сказывающиеся вещи в указываемых. Книга – продолжение изучения онтологии, которое было начато в наших предыдущих двух монографиях – «Пути к универсалиям» и «Реабилитация вещи». Не исключено, что она последняя в ряду наших с Александром Павловичем размышлений – в силу естественных причин, в силу смерти.

Александр Павлович уже поэтому в книге принадлежит ведущая роль. Образ конца витает в ее атмосфере. Стали наиболее очевидны груз и тяжесть его размышлений. Часто его называют энциклопедистом. Это ему говорили и при его жизни. И он никогда с этим не был согласен, хотя и не возражал. Он сам называл это (в одной из видеозаписей, где запечатлен его доклад об пробабиллизме) внутренней матрицей мышления. Почему не возражал? Я иногда упрекала его: многое словно бы реферируется. Он отвечал: вот и хорошо, пусть откладывается в закрома. Не страшно. То же когда-то говорила мне А.Д.Люблинская (она была моим университетским руководителем): «Почему вы столь кратки? Кроме Вас этого никто не знает и так не скажет».

Книга музыкально построена (ориентация была на баховский канон). Александр Павлович к тому же руководствовался «Заповедью» Киплинга. И сейчас (по Киплингу) он принял во владение весь мир. Последние слова в его записной книжке – слова незадолго до него умершего Г.Г.Маркеса: «Потому что дряхлое время вечности остановилось наконец».

Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. – 533 с.

По поводу текстов Гераклита Эфесского в последние годы скрещивались шпаги (о книге переводов его наследия, осуществленных С.Н.Муравьевым в 2012 г., мы сообщали в вып.13 ж. «Vox»). Это – один из мыслителей-досократиков, чья мысль составляет нерв философии XX в. Исследования М.Хайдеггера, посвященные Пармениду и Гераклиту, обострили к ним интерес. Как считает А.В.Лебедев, «Гераклит был не физикалистом-“досократиком”, а этико-политическим и теологическим мыслителем реформаторского склада, его трактат во многом предвосхищает проблематику “Государства” Платона, а в этике и философии природы содержит все основные положения стоицизма» (аннотация). В названии «Логос Гераклита» содержится многозначная трактовка термина «логос»: как мысли и как слова.

Книга состоит из двух частей: «Жизнь и философия Гераклита» и «Фрагменты трактата “О природе”». Критическое издание греческого текста с переводом и комментарием, библиографии и приложения, названном «Об одном псевдоиздании Гераклита».

Проиллюстрируем текст Лебедева цитатами, которые несомненно вызовут интерес читателя.

«Гераклит говорит от первого лица... что совершенно нетипично для гном и афоризмов, выражающих объективную житейскую мудрость. Он использует даже традиционные пословицы, но вкладывает в них “авторский”, философский смысл. Полемика, сарказм, даже проклятия, с одной стороны... и оракульный, энигматический, пророческий стиль, с другой... - уникальное сочетание, делающее стиль Гераклита неповторимым, по крайней мере, среди ранних греческих философов» (с. 23).

О синтаксической полисемии: «Во времена Гераклита греки не знали словораздела при письме. И в надписях, и в письмах, и в папирусных свитках с литературными и философскими текстами общепринятой была т. н. *scriptio continua*, сплошное письмо без пробелов и без знаков препинания. Поэтому чтение текста требовало разбивки его на отдельные слова... иначе – “разметки” или “различения”. Аристотель в “Риторике” указывает две основные причины неясности текста: бессоюзие и синтаксическую двусмысленность... Теон Александрийский... приводит Гераклита в качестве классического образца “неясности”... делает акцент... на синтаксической двусмысленности и трудности деления или членения текста... “Неясным делает стиль двусмысленность, как называют ее диалектики, проистекающая от того, что текст можно читать и раздельно и нераздельно. Например, в тексте ΑΥΛΗΤΡΙΣ πεσοῦσα δημοσίαῆστο. Один смысл имеет неразделенный текст – ‘флейтистка (αὐλητρίς) падшая пусть будет публичной’ и совсем другой разделенный ‘двор, трижды (αὐλήτρις) упавший, пусть будет публичным’... Свидетельство Теона важно не только с точки зрения стилистики, но и философски: в нем идет речь... об истинном и ложном прочтении одного и того же логоса, в зависимости от его правильного (“по природе”) или неправильного “деления”» (с. 46–48 и далее). Лично мне, занимающейся проблемой двусмысленности, это рассуждение представляется весьма существенным, как и «модели космоса, аналогии и метафорические коды» (с. 59), понимание логоса как оракула, разнообразные значения слова «космос». Взаимопомощь философии и филология очевидна.

Как полагает Лебедев, Гераклит был первым греческим философом, в текстах которого можно обнаружить «все основополагающие понятия классической философской этики»: этос, добродетель, практический разум, мудрость, счастье, добро и зло (с. 124).и, хотя Гераклит избегает слова «бог», «возможно, - как предполагает Лебедев, - в силу его ассоциации с антропоморфными богами поэтов» (с. 133), совершенно очевидно, что его третий логос – теологический.

Книга для вдумчивого, медленного чтения.

Интеллектуальный Ростов: книга дискуссий. Коллективная монография / Отв. редактор В.П.Макаренко. Рецензенты доктор филос. наук, проф. А.В.Лубский и доктор социол. наук, проф. Т.А.Марченко. Ростов/Дон: изд-во ЮФУ, 2014. – 696 с.

Книгу составляют дискуссии, проведенные в 2009-2013 гг. Центром политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета и клубом «Интеллектуальный Ростов Донской государственной публичной библиотеки. Дискуссии таковы.

1. «Система русской власти: диссонансы и созвучия концептов» (доклад Ю.С.Пивоварова обсуждают, помимо В.П.Макаренко, организатора и вдохновителя всех дискуссий, Ю.С.Пивоваров, В.Г.Захаревич, В.Н.Ткаченко, О.Ю.Мамедов, А.Ю.Архипов, С.П.Поцелуев, И.Д.Коротец, И.А.Иванников, Б.И.Буйло, С.Г.Москаленко, Р.А.Громов, В.Б.Рожковский, В.Н.Кирой, Т.А.Марченко, Г.С.Денисова, И.И.Глебова, А.В.Венков, А.В.Байлов, В.Ю.Попов, В.В.Вольчик, А.В.Лубский, А.Н.Ерыгин, Н.С.Абдулов, Р.А.Шипилова, Н.Е.Ерохин, обсуждается понятие «Русская система» как синтез формационного и цивилизационного подходов).

2. «Современность: дилеммы и парадоксы» (доклад Б.Г.Капустина, участники: И.М.Узнародов, Н.О.Морозова, Л.Г.Швец, А.Ю.Архипов, В.А.Шкуратов, В.Козер, Т.Г.Лешкевич, Г.В.Драч, А.М.Старостин, С.П.Поцелуев, В.В.Вольчик, обсуждение проблем либерализма, марксизма, левого радикализма и пр.). Иногда обсуждение срывается на доклады, или – еще неуместнее для жанра дискуссий - на публикацию статей (2-я дискуссия).

3. «Политическая бюрократия и господствующие меньшинства: случай современной России» (в презентации Левада-Центра и обсуждении книги Л.Д.Гудкова, Б.В.Дубина, Ю.А.Левады «Проблема “элиты” в современной России принимали участие сотрудники Левада-Центра: Л.Д.Гудков, Б.В.Дубин, ректор ЮФУ В.Г.Захаревич, а также А.М.Старостин, Б.М.Владимирский, А.И.Субботин, И.В.Митина, А.В.Лубский, Б.Н.Миллер, В.А.Шкуратов, И.Д.Коротец, Д.В.Абросимов, Т.А.Марченко, М.С.Константинов, В.Ю.Попов, Т.Г.Лешкевич, Н.П.Проценко, Н.Е.Ерохин).

4. Обсуждение книги В.П.Макаренко «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли». В обсуждении принимали участие А.В.Лубский, А.М.Старостин, Г.В.Драч, И.Д.Коротец, А.Н.Ерыгин, Л.Г.Берлявский, Ю.Р.Тищенко, Л.Г.Берлявский. Хотела бы отметить несколько развязный тон дискуссии («это тот Пивоваров, который призывал Россию встать на колени и покаяться?», с. 316), непредставленность текстов А.П.Огурцова и В.Н.Поруса, специально приславших свои тексты, и обратить внимание на два момента, прямо касающихся меня. 1) А.Н.Ерыгин позволил себе усомниться в моем этическом поведении как издателя, позволившего себе опубликовать маргиналии Э.В.Ильenkova, не предназначавшиеся для печати. Во-первых, я не издатель, а научный редактор и человек, фактически осуществлявший публикацию книги с любезного разрешения Г.Д.Петровой – владельца авторских прав, которая и дала *весь* материал для публикации, во-вторых, как много публикующийся человек критик должен знать, что издательство (не редактор) берет разрешение у владельцев авторских прав на право публикации. Этот «наскок» расцениваю как оскорбление. К тому же в практику нашей литературной (в широком смысле слова) жизни вошла (и давно) публикация писем, дневников, не предназначавшихся к публикации. Давайте попробуем изъять из анализа, например, переписку М.Хайдеггера и К.Ясперса или «Дневник» Ф.М.Достоевского, и мы поймем, как много теряем в понимании философских, литературных, гуманитарных перипетий. А в данном случае именно о них речь – ведь ни одна из книг М.К.Петрова не была напечатана при жизни, и можно понять, почему. 2) Книга о М.К.Петрове в серии «Философия России второй половины XX века» **не** строилась как монография,

приписывать ей монографическую цель невозможно: там специально помещен а) ряд статей, основанных на одних и тех же фактах, по-разному интерпретированных, б) рецензий (написанных студентами, о чем упомянуто в авторском перечне и что показывает, как именно книги М.К.Петрова «захватывают» образовательный процесс). Кстати, это обсуждение уже было напечатано в предыдущей книге В.П.Макаренко в несколько ином (неправленном?) варианте. Отмечу также большое количество стилистических и грамматических ошибок, неправленная стенограмма – не то же, что «авторская редакция».

4. «Русская власть и бюрократическое государство». Эта стенограмма русско-украинской конференции весны 2012 г. весьма своевременна и помогает понять нынешнее противостояние России и Украины. Так, интерес вызывает рассуждение в сообщении И.И.Глебовой о «современном дворцовом государстве информационной эпохи» в России В обсуждении участвовали: Ю.С.Пивоваров, А.Г.Дружинин, В.В.Вольчик, С.П.Почелуев, И.В.Николаев, В.А.Мартыросов, В.Н.Ткаченко, М.С.Константинов, А.И.Субботин, В.А.Шкуратов, И.И.Глебова, В.Ю.Попов, А.В.Оболонский, поставивший проблему о самоопределении нации Украины как главной ее проблемы и говорящий о трех бедах Украины – 1) олигархии, 2) противоречиях восточной и западной Украины, делающих невозможной партию типа «Единой России» и 3) внешнеполитическом факторе с таким раздражителем, как Россия. Напомню, что конференция проходила за полтора года до украинского Майдана.

5. «Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований в информационном и научном пространстве региона и страны». Экспертом в этом обсуждении был В.Н.Порус. Выступали: А.В.Понеделков, А.В.Лубский, говорившие о том, какую аудиторию и какие темы поднимал этот журнал, ставший лучшим журналом на юге России. Я позволю себе не согласиться с термином «концептология», о чем мы с А.П.Огурцовым писали в нашей с ним последней книге: «Мы не можем согласиться... с предложением В.П.Макаренко... о создании новой научной дисциплины – концептологии. Дело не только в несвоевременности такого рода предложений, поскольку еще далеко не полностью описано все многообразие концептов и схем, сколько в том, что формирование научной дисциплины закрывает перспективы для осознания методологической функции и концептов, и схем. Подобная схематизация различных типов концептов и схем фиксирует их использование для ряда эпистемологических целей (от замещения идеальных объектов научной теории до коммуникации со своими приверженцами и оппонентами), но не позволяет отделить первичную функцию от производных, не характерных для них. В этом описании многообразия типов концептов и схем и их функций утрачивается главенствующий тип и функция: для концепта – быть выражением авторской инновации, для схемы – быть первым шагом в ее переходе к признанию микросообществом и научным сообществом» (*Неретина С., Огурцов А. Онтология процесса. Процесс и время. М., 2014. С. 61–62*).

6. «Концепт катастрофы и российская реальность». Обсуждается теория катастроф и сами катастрофы, предложенная В.Н.Порусом. Само, выражение «обжить катастрофу» для меня неприемлемо, поскольку катастрофа связана с «бескультурьем», противопоставленном культуре как духовности, а главное неясно, как ее можно «обжить», если с этим бескультурьем не согласиться. Участвовали, помимо Макаренко и Поруса, В.М.Старостин, В.Ю.Попов, А.Куликов, А.Н.Ерыгин, И.Д.Коротец, А.И.Бардаков, определивший катастрофу как утрату доверия к культурным ценностям (с. 464), А.Н.Ерыгин.

7. «Проблема проработки советского прошлого». Участвовали Ю.С.Пивоваров, А.Г.Дружинин, И.И.Глебова, А.М.Старостин, И.В.Кукулин, А.Н.Ерыгин, С.А.Денисов, М.А.Боровская, Н.С.Авдулов, Ф.Г.Камкия, А.В.Лубский, С.А.Кислицын, Т.А.Марченко, В.А.Шкуратов, Н.А.Мининков, О.Ю.Мамедов, Рассматривались проблемы войны и мира, десталинизации, различные аспекты рассмотрения советской системы, роль царя Алексея Михайловича и М.Шолохова, опасность создания единого учебника истории, крах азиатского способа производства и пр. Иногда в изложении встречаются выражения, понять которые трудно. Так, например, загадочно выражение: «Позицию гражданской войны надо рассматривать с ее же позиций, а не с позиций современности» (с. 554).

8. «Наследие коммунистического прошлого в современной жизни России и российские перспективы левого движения». Семинар-диспут организован при финансовой поддержке Фридриха Эберта и при участии РОО «Кеннан». Участвовали Э.И.Паин, Е.В.Цымбал,

А.М.Старостин, В.А.Шкуратов, В.Ю.Попов, О.Ю.Мамедов, А.В.Лубский, Т.А.Марченко, Н.А.Мининков Среди «наследственных» тем обсуждались проблемы утопии как «абсолютно необходимого образа для человеческой жизни» (с. 606) - давно не поднимаемая тема, обсуждались материалы Рунета как выразителя общественного мнения.

Девятой, последней дискуссией стало обсуждение политической философии М.К.Петрова, новое (еще одно?) обсуждение книги В.П.Макаренко о «практикующих гегельянцах», отзыв на которую мы давали в «Vox. Философский журнал» (2013. Вып. 14), нового издания в «Вопросах философии» (2014. № 1) и отдельной книгой повести М.К.Петрова «Экзамен не состоялся» и выступления на телевидении Макаренко и К⁰о М.К.Петрове и увековечении его памяти. Правда, несколько удивляет, что ни слова не сказано о первом издании «Экзамена...» в журнале «Дон», к которому я в свое время привлекла А.И.Стреляного, ни о состоявшемся в 1989 г. телерепортаже о М.К.Петрове, в котором участвовали, помимо Ю.Р.Тищенко, мы с чл.-корр. РАН Б.Г.Юдиным, а автором текста был журналист Л.В.Сёмин – сын еще одного выдающегося ростовчанина писателя В.Н.Сёмина..

В целом полагаю, что публикация дискуссий и диспутов – перспективный способ представления тем и проблем. Я нарочно приводила имена участников, чтобы показать, как работало основное семинарское ядро, наращиваемое приглашенными лекторами, собеседниками-специалистами, местными и представителями разных городов и даже стран.

Ханна Арендт, Мартин Хайдеггер. Письма 1925 – 1975 и другие свидетельства /Пер. с нем. А.Б.Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 456 с. с илл.

Об отношениях Арендт – Хайдеггер (и философских, и личных – в значительной мере это одно и то же) написано много, я хочу лишь показать читателю *выражение* глубины этих отношений, и связанных с ними размышлений, что важно в свете последних суждений, вызванных публикацией «Черных тетрадей».

Здесь и далее – письма Хайдеггера. 1925 г.: «Мы никогда не знаем, чем можем стать для других одним фактом своего существования. Но по зрелому размышлению можно, пожалуй, уяснить, насколько разрушительным и тормозящим оказывается наше влияние» (с.9).

«Уединенность в горах, размеренный жизненный уклад жителей гор, естественная близость солнца, бурь и неба, простота теряющегося следа на широком, укрытом глубоким снегом склоне – все это особенно удерживает душу вдали от всего существования (Dasein), расколотого, искаженного в бесплодных мудрствованиях» (с.14 – 15).

«Получил длинное письмо от Гуссерля. Он снова приглашал меня приехать к нему в Тироль. Но мне пришлось отказаться, поскольку срочно нужно закончить свои собственные дела. Мне кажется, что Гуссерль уже не движется вперед, боюсь, что на его творчестве нужно поставить крест. Ему нужен научный стимул, а во Фрайбурге его держат в этом отношении на весьма скудном пайке» (с.49 – 50).

1928 г.: «Гамсун – философ, но искусство его не страдает от этого. Поражает великолепная близость к почве, ландшафту, инстинктам, стихийному – эта сплошная и без разрывов целостность жизни, для передачи которой ему достаточно трех фраз» (с.65).

1932/1933 г.: «Слухи, беспокоящие тебя, это клевета, которая всецело совпадает с прочим опытом, каким мне пришлось обогатиться за последние годы. То, что я не могу запросто исключать евреев из списков приглашенных на семинар, следует хотя бы из того, что за последние 4 семестра я вообще не использовал никакого приглашения на семинар. То, что я будто бы не здороваюсь с евреями, настолько гнусная сплетня, что я впредь буду помнить ее. Чтобы прояснить, как я отношусь к евреям, приведу следующие факты. В текущем зимнем семестре я был в отпуске и потому летом заблаговременно объявил, что хотел бы, чтобы меня оставили в покое и что я не буду принимать никаких работ и т.п. но тот, кто тем не менее приходит и срочно должен защищаться и может это сделать, – это еврей. Тот, кто может каждый месяц приходиться ко мне, чтобы сообщать, как протекает работа над большим исследованием... - это опять-таки еврей. Кто несколько недель назад прислал мне обширную работу для срочного отзыва – это еврей. Два стипендиата Общества поддержки[... науки...], которых я пробил за последние 3 семестра, - это евреи. Кто благодаря мне получает стипендию в Рим – это еврей. – Если кому-то нравится называть это “ангажированным антисемитизмом”, ради Бога. В остальном я сегодня в университетских вопросах такой же антисемит, как и 10 лет

назад в Марбурге, где я за этот антисемитизм даже получил поддержку от Якобсталя и Фридлендера. Все это никак не связано с моим личным отношением к евреям (например, Гуссерлю, Мишу, Кассиреру и другим). И уж подавно это никак не может затрагивать отношения к тебе. То, что я вообще давно уже отхожу в сторону, связано, во-первых, с тем, что я со всей своей работой все же наткнулся на безнадежное непонимание, а во-вторых, с малоприятным личным опытом, который я не мог не приобрести в ходе моей преподавательской деятельности. Но я уже давно отвык от того, чтобы ждать от так называемых учеников какой-либо благодарности или хотя бы пристойных убеждений» (с.71 – 72).

1950 г.: «“Спасать” означает и есть в первую очередь не только вызволение из беды, но освобождение для достижения сущности. Это *бесконечное намерение* есть конечность человека. Благодаря ей он может преодолевать духа мести. Я уже давно размышляю об этом, потому что чисто моральная позиция здесь недостаточна, точно так же как и парящее в пустоте воспитание».

1969 г. Ханна Арендт в день восьмидесятилетия М.Хайдеггера, называя его «тайным королем в царстве мышления» (с.193), пишет: «... не философия Хайдеггера, о которой по праву можно спросить, существует ли она вообще, а мышление Хайдеггера решающим образом участвовало в формировании духовной физиономии столетия. Это мышление обладает только ему присущим пронизывающим качеством, которое, если выразить и продемонстрировать его на уровне речи, заключается в транзитивном употреблении глагола “мыслить”. Хайдеггер никогда не мыслит *о* чем-то; он мыслит *что-то*... Это мышление могло ставить перед собой задачи, могло заниматься “проблемами”... но нельзя сказать, что у него есть цель. Оно беспрерывно действует, и даже прокладывание пути служит скорее раскрытию какого-либо измерения как некоей цели, заранее отобранной и на это направленной. Пути вполне могут быть “неторными тропами”... Метафора “неторных троп”... подразумевает не то (как на первый взгляд может показаться), что некто попал на неторную тропу, с которой ему не выбраться, а то, что некто, подобно дравосеку, чья работа протекает в лесу, идет по путям, проложенным им самим, причем прокладывание троп так же относится к его работе, как рубка леса» (с.193 - 194). Такое мышление Х.Арендт называет «*страстным* мышлением, в котором мышление и бытие живым сливаются» (с.195). И это есть «принципиальное условие возможности философии» (с.195).

С.С.Неретина